

УДК 81.112

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

© 2010 г.

И.В. Ерофеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

erofeeva89@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2010

Рассматривается лингвокультурная парадигма летописного текста, которая объединяет концепты, отражающие значимые представления народного сознания. Исследование культурных универсалий, представленных в языке летописных сводов, позволяет определить особенности культурной маркированности данного типа дискурса.

Ключевые слова: словообразование, культурные универсалии, летописный текст.

Важной частью лингвокультурного анализа текста является рассмотрение языковых средств его организации. Особое значение при таком подходе имеет анализ ключевых концептов культуры, отраженных в средневековом сознании и выраженных посредством языка, благодаря которому формулируются понятия и создается связанная картина мира. Исследование культурных универсалий, представленных в летописном тексте, позволяет определить особенности культурной маркированности данного типа дискурса.

Исследование русской культуры средневековья невозможно без обращения к оригинальным памятникам древнерусской литературы, к которым относятся прежде всего летописи. Они содержат значительный материал для изучения не только русского языка и литературы, но и русской общественной мысли и русской культуры в целом. Средневековье является важным этапом развития народа, периодом, когда складывались многие культурные ценности, которые легли в основу цивилизации. «Для того чтобы понять жизнь, поведение и культуру людей средних веков, важно было бы попытаться восстановить присущие им представления и ценности. Нужно выявить «привычки сознания» этих людей, способ оценки ими действительности, особенности их видения мира» [3: 29–30]. Летописные своды, как наиболее древние памятники письменности, дают богатый материал для исследования ценностных представлений средневекового человека и позволяют реконструировать особенности его языкового сознания через анализ категорий национальной культуры, представленных в тексте.

Изучение древнейших текстов позволяет пронаблюдать за формированием русского национального языка, а также его концептосферы,

отражающей потенциальные возможности словарного запаса. По мнению Д.С. Лихачева, «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации <...>, она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [6: 282].

Для культурологического исследования летопись как разножанровое произведение, имеющее как светские, так и церковные источники, представляет особый интерес, так как позволяет проанализировать систему значений отдельного слова, а также связанные с этими значениями концепты в разных по содержанию и стилистической окраске фрагментах. В древнерусском языке значения слова представляли определенную иерархию, отражавшую специфику средневекового сознания и систему ценностных представлений того времени. В летописях целый ряд форм реализует светскую или религиозную семантику в зависимости от контекста. Чаще всего богатство значений и богатство концептов этих значений характерно для слов, обозначающих общие, отвлеченные понятия.

В состав летописей вошли произведения самого разного содержания: религиозные сказания и жития, фольклорные предания и легенды, погодные записи исторического и военного характера, тексты договоров. Подобный синкретический характер летописания сохраняется на протяжении всего времени его существования, определяя общие черты различных летописных сводов. В то же время летописи не являлись на протяжении веков замкнутыми, неизменными текстами, они были открыты для дальнейших преобразований, представляли собой систему, которая изменялась в связи с социальными потребностями общества.

Летописи в языковом отношении представляли собой звено общей «системы» средневековья. В этот исторический период стилистические особенности текста обуславливались не столько позицией автора, сколько общественной, культурной необходимостью. Элементы текстообразования оказывались в зависимости от традиционных трафаретов. С другой стороны, именно летописи испытывали существенное влияние реальной действительности, в них заключалась мощная основа развития русской национальной культуры в целом и русского литературного языка в частности, что способствовало формированию национального сознания русского народа. Быстрый рост русской литературы был связан также с возможностями русского устного языка того периода, значительной развитостью фольклора.

В средневековых текстах наиболее значимое место занимал язык конфессиональной культуры, отражавший архетип языкового сознания той эпохи. Если обратиться к сфере словообразовательно маркированных форм, то обнаруживаются группы производных образований, стилистическая детерминированность которых определяет разную степень возможности репрезентации религиозных значений. В формах с суффиксами отвлеченного значения *-(e)ниј(e)*, *-ост(ь)*, *-ств(о)*, *-ствиј(e)* и под., явившимися результатом интеграции более простых формантов, такая актуализация представлена чаще, чем в формах с суффиксами *-ьц(ь)*, *-ьник(ь)*, *-ьб(a)*, нулевым словообразовательным формантом и другими аффиксами, отличавшимися стилистической нейтральностью. Производные образования, имеющие выраженную внутреннюю форму, «позволяют выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системообразующих культурно-национальных отношений между единицами языка и культурно значимыми концептами» [1: 26]. Важным аспектом языкового анализа текста является рассмотрение семантико-аксиологических констант средневековой культуры, отраженных в древнерусском слове.

В производных образованиях пересекаются культурная и словообразовательная маркированность. Культурная маркированность обусловливается значением производящей основы, ее возможной отнесенностью к сакральной сфере. Так, большинство форм с самым продуктивным в древнерусский период суффиксом отвлеченного значения *-(e)ниј(e)* связано с обозначением религиозных понятий и фиксируется в летописных текстах в отрывках возвышенного содержания. Такие образования мотивируются

глаголами, которые являются наименованиями действий, принятых в церковном обиходе. Девербативы на *-(e)ниј(e)* подвергаются терминологизации и обозначают определенные церковные обряды, ритуалы, например: *пѣнье* – ‘молитвенное пение, молитва’, *стоянье* – ‘молитвенное стояние, молитва’, *кланянье* – ‘поклонение’, *исповѣданье* – ‘исповедь, покаяние’, *покаянье* – ‘сознание в грехах, раскаяние’, *чтьенье* – ‘чтение богослужебных книг’ и т.д.

Летописные памятники включают целый ряд религиозных произведений, в которых представлены фрагменты ирреальной, идеальной действительности. В таких отрывках производные на *-(e)ниј(e)*, мотивированные глаголами со значением конкретного действия, специализируются в наименовании религиозного действия. При этом происходит сужение значения производного имени, его закрепление за обозначением определенных событий, проповедуемых христианским учением, например: *исхождение* – ‘исхождение святого духа’, *очищение* – ‘духовное очищение, избавление от грехов’, *паденье* – ‘впадение в грех’, *воплощение* – ‘принятие телесного образа, рождение (о Христе)’, *воскресенье* – ‘возвращение умершего к жизни’ и др.

Важные для культуры средневековья понятия могут выражаться также и формами, не имеющими структурных примет высокого стиля. Производные образования, оформленные немаркированными аффиксами, часто имеют несколько значений, представляющих разные стилистические сферы, а следовательно, характеризующихся разной культурной коннотацией, ассоциативно-образным наполнением. Такие формы связаны с несколькими концептами и выражают светскую или религиозную семантику в определенных по содержанию контекстах. В том случае, когда они характеризуют действие как относящееся к событиям религиозного плана, они приобретали статус маркированности, определяемый как ближайшими компонентами синтагмы, так и содержанием фразы в целом. Например, образование *слава* имеет значение ‘прославление, хвала (Бога)’ в изречениях традиционного характера, содержащих устойчивые ситуативные обороты, в том числе цитируемые из церковных сочинений. Актуализаторами сакральной семантики чаще всего являются притяжательные прилагательные: *Божья*, *Отъчя*, *Господня* и под.: *Да якоже вѣста Христос от мертвых съ славою Отчею* (ПВЛ, 988 г.); *Нъ, господи, слава тебе, цесарю небесным* (НЛ, 1233 г.) и др. В народных преданиях, воинских повестях, погодных записях исторического характера слово *слава* выступает со

значением 'почесть, честь, слава': *Заложѣ городъ на бротѣ томъ. и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко тѣ* (ПВЛ, 992 г.); *Да любо нелѣзу собѣ славу. а любо голову свою сложю* (ПВЛ, 1097 г.); *И придоша в Русь с полоном великым. и с славою. и с побѣдою великою* (ПВЛ, 1103 г.). Иным оказывается распространение образования *слава*, биномные группы, в состав которых оно входит: *слава и побѣда, слава и честь*.

Словесное окружение в контексте определяет степень культурной маркированности языковых единиц. Концепты отдельных значений слов связаны друг с другом и имеют общие и отличительные черты, определяющие их место в концептосфере древнерусского языка. При этом отличительной особенностью языка средневекового человека была синкретичность. «Все важнейшие термины его культуры многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл» [3: 29]. Чтобы понять язык человека феодального общества, нужно знать язык его культуры, отражающий «модель мира» данного общества. «Человек познает категоризацию явлений действительности в том виде, в каком она выступает в родном для него языке» [5: 237].

Семантический синкретизм производных имен объективируется в контексте, в совокупности синтагматических и парадигматических связей, которые становятся релевантными в определенной текстовой позиции слова. К универсальным категориям любой культуры, представляющим вместе с тем и категории человеческого сознания, относятся **время** и **пространство**, представление о которых входит в «модель мира». Данные понятия являются важнейшими формами восприятия действительности, отражающимися в сознании и организующими внутренний опыт человека.

Одним из стержневых языковых репрезентантов данной сферы является слово *коньць*. Обладая приметой нейтрального стиля, суффиксом *-ьц(ь)*, образование *коньць* одинаково частотно в летописях, тяготеющих к разным жанрово-стилистическим направлениям. При этом контекст выборочно отражает то или иное значение синкретичного слова в зависимости от цели и установки автора, передаваемого содержания. Для Новгородской I летописи характерно использование слова *коньць* в значении 'административно-территориальная единица, район города': *Заложѣша церковь камяну святого Якова въ Неревьскемъ коньци* (НЛ, 1172 г.); *А въ Людини коньци погорѣ дворовъ 10* (НЛ, 1194 г.) и др. В результате метонимического

переноса словосочетание, включающее топонимическое название и существительное *коньць*, может обозначать совокупность жителей того или иного района города: *И поиде съ Людинемъ концемъ и с пруси* (НЛ, 1218 г.); *И скопѣшася о немъ пруси и Людинъ коньць и загородци* (НЛ, 1220 г.) и др. Конкретизированное значение 'край, конец ч.-л.' актуализируется в «Повести о взятии крестоносцами Царьграда»: *И въсаженъ бысть въ бочку, имущи 3 дна при единѣмъ конци* (НЛ, 1204 г.). Образование *коньць* выступает в летописном тексте и в значении 'часть к.-л. территории': *Загорѣся от Матѣева двора от Вышковиця, и погорѣ въсь коньць Славньскѣи Оли* (НЛ, 1231 г.).

Иным оказывается «лексический фон» (т.е. сочетаемость, место слова в лексической системе, ассоциативные реакции) [2: 111] образования *коньць* в «Повести временных лет». Оно может выступать как с широким значением 'конец, завершение ч.-л. (о времени, действии, состоянии)': в «Речи философа»: *Велика власть его. и миру его нѣсть конца* (ПВЛ, 986 г.); «Символе веры»: *Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя. творца небу и земли. до конца вѣру сию* (ПВЛ, 988 г.); с конкретизированным значением 'край, конец ч.-л.': в «Сказании о племенах»: *От нихже первие Сирии жиюще на конецъ земля* (ПВЛ, введение); так и со специализированным значением 'смерть': *«Ярославу же приспѣ конецъ житья»* (ПВЛ, 1054 г.); в «Сказании о первых черноризцах»: *«Разболѣвшю же ся и конецъ прятти»* (ПВЛ, 1074 г.). Употребление слова *коньць* в данном значении объясняется причинами табуирования, вытеснением слова *смерть* эвфемизмами [7: 33].

Таким образом, семантическая синкрета представляется расчлененной на градуальный ряд соподчиненных смыслов [4: 19]. Основная морфема **-кон-** в значении 'предел' актуализирует различные смысловые оттенки в производном *коньць*. 'Предел' при этом понимается очень широко – как предел пространственный, временной и даже биологический. В контекстах философско-обобщающего содержания может происходить совмещение пространственной и временной семантики данного образования, например в «Речи философа»: *Велика власть его. и миру его нѣсть конца* (ПВЛ, 986 г.).

Итак, важнейшим источником культурной маркированности является вовлеченность языковых единиц в определенный тип дискурса. Синкретизм семантики жизненно значимых терминов культуры объективируется в контексте, где в каждом отдельно взятом словоупотреблении актуализируется особый смысл термина, связанный с репрезентацией событий определенного содержания.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ. Кон-тракт № 02.740.11.0595.

Источники

1. НЛ – Новгородская первая летопись старшего извода. М.-Л., 1950.

2. ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.-Л., 1926.

Список литературы

1. Вендина Т.И. Языковое сознание средневековья и возможности его реконструкции // Славяноведение. 2000. № 4. С. 25–32.

2. Верещагин Е.М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 105–114.

3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

4. Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 18–29.

5. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977. С. 222–303.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Русская словесность. М., 1997.

7. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ, XX. М.-Л., 1964. С. 29–40.

LINGUOCULTURAL PARADIGM OF THE CHRONICLE TEXT AS A REFLECTION OF THE MEDIEVAL WORLDVIEW CATEGORIES

I.V. Erofeeva

The article discusses the linguocultural paradigm of a chronicle text, which combines the concepts reflecting significant ideas in the people's consciousness. The study of cultural universals in the language of chronicles makes it possible to determine the features of the cultural markedness of this type of discourse.

Keywords: derivation, cultural universals, chronicle text.